

Интервью с Ильей Ефимовичем ШТЕЙНБЕРГОМ

«УЖЕ БЫЛО ТАК СКУЧНО, ЧТО СТАЛО НЕ ТАК СТРАШНО»

Штейнберг И. Е. — окончил факультет психологии Саратовского государственного университета (1977) (2002 г.); MA in sociology (Московская школа социальных и экономических наук и University of Manchester, 1997 г.). кандидат философских наук (1992 г.), преподаватель МВШСЭН, «Школа-студия полевого исследователя Ильи Штейнберга» (ЦСПИ при ИС РАН), психолог-консультант Центра практической психологии «Позитив».

Основные области исследования: методология и методика качественных исследований, неформальная экономика, социальные сети поддержки, аграрная социология, социология общественного здоровья, социология организаций, образовательные технологии подготовки полевых исследователей. Интервью состоялось: ноябрь 2014 г. — январь 2015 г.

Начало февраля 2015 года. Количество проведенных интервью с советскими / российскими социологами приближается к 100. Сто рассказов о жизни: о ранних и юношеских годах, об обучении в школе и получении высшего образования, о путях, которыми люди пришли в социологию. Об учителях, коллегах, об аналитической и преподавательской деятельности.

За десять лет изучения прошлого-настоящего нашей науки накопились множество наблюдений, теоретико-эмпирических выводов, размышлений о том, как проводить интервью с социологами, многие из которых сами являются экспертами и в области общения с респондентами, в биографике. В целом просматривается и несколько направлений продолжения этого историко-наукоедческого проекта в опоре на большое число интервью с социологами разных возрастов и разного количества лет, отданных социологии. Старшим из них — за 85 лет, самые молодые лишь недавно отметили свое двадцатилетие.

Одним из итогов анализа жизненных путей социологов стала концепция профессионально-возрастной стратификации советского / российского социологического сообщества, согласно которой оно представимо как совокупность 12-летних поколений. В первые годы проведения интервью в силу многих объективных и субъективных причин моими респондентами были преимущественно социологи первых трех поколений (Таблица 1), это те ученые, годы рождения которых заключены в интервале между 1922 и 1946 годами. Затем в поле анализа стали входить представители IV поколения (1947 – 1958 годы рождения). И лишь в 2013–2014 годах началось изучение следующих трех когорт – V, VI и VII (совокупный интервал рождения социологов этих поколений – 1959 – 1994 годы. Итак, в целом наше исследование включает в себя семь групп (поколений) социологов, старшие из которых родились во второй половине 1920 годов, а младшие – в годы перестройки и в период распада СССР.

Таблица 1

Главные функции первых семи поколений советской / российской социологии

Поколение	Годы рождения представителей поколения	Главная функция
I	1923 – 1934	Конституирование социологии как самостоятельной науки
II	Конец 1920-х – начало 1930-х	Расширение предметного поля исследований
III	1935 – 1946	Развитие эмпирических методов
IV	1947 – 1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
V	1959 – 1970	Обогащение парадигматики и методологии
VI	1971 – 1982	Определение характера постсоветской российской социологии
VII	1983 – 1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

Каждое поколение формировалось в свое время, и на каждое из них историей страны и историей нашей социологии возложены определенные функции (Таблица 1). Конечно, это не означает, что все представители каждого из поколений в равной мере участвовали в реализации соответствующих функций, но именно эти функции задают «лицо» поколения.

Настоящий материал предваряет интервью с Ильей Ефимовичем Штейнбергом – представителем младшей части IV поколения. Важнейшая цель интервью с Штейнбергом – сохранить информацию о его движении в науку для истории российской социологии, зафиксировать для будущих поколений, как, в каких обстоятельствах работали ученые в прошлом, какого типа задачи им приходилось решать. Но одновременно данное интервью – это шаг в длительном процессе испытания моей методологии анализа исторического поиска.

Как вспоминает Илья в нашей беседе, мы познакомились с ним в 1986 году на 1-ой Всесоюзной конференции по изучению общественного мнения, т.е. около трех десятилетий назад. Для меня они включили 20 лет жизни в Америке, длительный отход от социологии (1994–1999 годы), медленное возвращение

в науку и включение в историко-социологические поиски (2004 год). Все эти годы мы не виделись с Ильей, я не мог регулярно читать опубликованное им. Так что данное интервью – это фактически мое новое знакомство с ним.

Многое, о чем рассказал Штейнберг, знакомо мне по рассказам других социологов и по собственному опыту. Илья родился, социализировался и многие годы работал в Саратове, учился в специализированной физико-математической школе, окончил психологический факультет, защитил кандидатскую диссертацию по философии (работа имела социально-психологическое содержания) и около пяти лет занимался изучением общественного мнения по заданиям партийных органов. На полтора десятилетия раньше в Ленинграде я шел примерно теми же дорогами. Поступив после школы на математико-механический факультет, я уже на первых курсах заинтересовался психологией, несколько лет помогал психологам в математической обработке их измерений и после завершения математического образования защитил кандидатскую диссертацию по психологии. С конца 1960-х до начала 1980-х участвовал в опросах общественного мнения ленинградцев, заказчиком которых было партийное руководство города. Направление научной и педагогической деятельности, которой Илья занимается последние четверть века в Москве, мне в целом тоже знакомо.

Таким образом, достаточно отчетливое понимание того, что делалось и делается сейчас Штейнбергом, первичный анализ его творческой биографии позволяют утверждать, что генеральными линиями его научной деятельности является сохранение достигнутого и стремление к разработке и испытанию новых количественно-качественных способов получения данных.

Кроме того, Илья Штейнберг является уникальным исследователем, он – социолог, полстер и психолог, он – методолог и прикладник, он – аналитик и консультант в области сложнейших социальных проблем личности, он – автор собственных образовательных технологий. И все это не разрозненно, а едино, дополняет друг друга.

Штейнберг И. Е. : «Уже было так скучно, что стало не так страшно»

Илья, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем сразу открывают очень интересные личностные миры и историко-культурные миры...

Достаточно распространены еврейские фамилии Штейн и Берг, а также, скажем, производные от них, типа: Бронштейн и Итенберг. А что Вы знаете о происхождении своей фамилии — Штейнберг? И насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

Происхождение фамилии своей точно не знаю, но есть версия, что она связана с местом в 120 км от Берлина, которое так и называется. Возможно, мои предки пришли оттуда, т. к. будучи в Германии, мне неоднократно намекали, что моя физиономия схожа с типом лиц из тех земель, я, правда, так не считаю.

Но это вполне вероятно, т.к. свои фамилии иудеи часто получали по месту жительства, занятию и т. п., а также могли купить. Кто побогаче, тот мог стать Зильберштейном или даже Голдштейном или Голдбергом. Видно, мои предки были нищebroды или не были озабочены темой бренда. Вот так вместо «серебра и золота» — просто камень. Более подробно мне сказать нечего.

Репрессии 30-х унесли деда, даже фото его нет. Знаю, что жили они в местечке под Житомиром.

Материнская линия — это фамилия Шапиро. Это были известные литваки из Вильнюса, даже дом знаю, где они жили в двух кварталах от вокзала. Практически их всех фашисты убили там в начале войны. Дед был кадровым офицером и погиб в первые дни войны под Брестом. Брат матери, командир противотанкового орудия, погиб в 43-м при отражении танковой атаки под Могилевом.

Конечно, сохранились фото, рассказы матери, были попытки создать «историю семьи», но увы, семейный архив в годы войны был утрачен во время эвакуации в Саратов. Там жил брат бабушки профессор СГУ Павел Абрамович Вундер. Ему удалось поселить свою сестру с дочерью в общежитии для научных сотрудников университета. На тот момент там проживала профессура эвакуированная из блокадного Ленинграда, а поскольку война отняла у них детей и внуков, то они часто зазывали меня к себе, кормили меня и разговаривали со мною, учили языкам и еще чему-то, не помню, к сожалению. Это были мои первые учителя, т.к. отец с мамой были заняты с утра до ночи на оборонном предприятии.

Кстати, один из них, проф. Шехтер, зав. кафедрой теоретической физики, мне в пять лет предрек, что я буду заниматься методами. Он любил детям задавать «вопросы на изумление». Например, ты видишь, что земля плоская, а она круглая.... и т. п.

По рассказу мамы, он как-то встретил ее в коридоре общежития и напугал ее, сказав, что «странный у вас мальчик, первый раз такое встречаю, чтобы ребенок в ответ на сообщение, что земля круглая, а не плоская, не очень удивился, а спросил: «а как узнали?», наверно, методами будет заниматься со смехом сказал он маме. Так и вышло.

В плане рефлексии, когда думаю на тему, почему занимаюсь, тем, чем занимаюсь, всегда возвращаюсь к этому эпизоду. Вероятно, в профессиональном плане я продукт ленинградской профессуры. Я их уже смутно помню, мне было 6 лет, когда мы уехали из общежития, но родители мне говорили, что я повторяю их фразы и подражаю манере речи, задаю «не свои вопросы», но чьи это вопросы, вспомнить не могу.

Я не понял, до войны Ваши родители жили в Вильнюсе? Вы – человек публичный, в Интернете сказано – родился в 1955 году. Почему родители остались жить в Саратове?... и продолжали жить в общежитии?

В Вильнюсе жила родня по материнской линии. Мама родилась в Харькове, куда ее отец, военврач, переехал по службе. Отец родился на Украине. Родители познакомились и поженились в Саратове, куда мама была эвакуирована с бабушкой, а военная часть, где служил отец (он в 44 был призван и в звании старшины демобилизован в 54 г.) была переведена в Саратов с Дальнего Востока.

Вернуться было некуда. Квартиру в Харькове, на Сумской ул., заняли переселенцы, отец в войну родственников потерял, нашлись только после войны в Днепропетровске. Они поступили в саратовский электромеханический техникум, а по окончании, получили распределение на оборонное предприятие, от которого получили жилье в коммуналке через 6 лет после начала работы и с общежития съехали.

Я почему спросил? Саратов в военное и послевоенное время играл важную роль в жизни страны... какие у вас сохранились воспоминания о школьных годах? Как шла учеба? Что особенно интересовало?

О начальной школе воспоминания смутные. Учеба шла без проблем, особенно был успешен в гуманитарных дисциплинах. Но мама хотела, чтобы я учился «в хорошей школе с хорошими детьми» и толкала меня в физико-математическую школу №13, известную уникальным подбором преподавателей, особой творческой атмосферой, талантливыми учениками и успехами выпускников. Ее желание окрепло, когда я стал заниматься спортом, записался в секцию бокса, чтобы бить тех, кому не нравилась моя фамилия. Помню, как ошупывая мое побитое на тренировках лицо и слушая мои восторженные восклицания по поводу своей растущей компетентности и о моих кумирах в боксе, она заметила: «Я была бы рада, если бы ты был поближе не к тем, кто сильнее тебя, к тем, кто умнее».

Вот так, с восьмого класса, я попал в среду, где больше половины моих товарищей по учебе были явно умнее меня в математике, физике и химии. Хотя я легко прошел вступительное собеседование и тест на IQ, но там мне стало очевидно, что Лобачевского и Ландау из меня не выйдет.

Помню, как скрепя и дымясь, своими, как выяснилось, «гуманитарными мозгами», решил задачу из учебника, по которому учатся на втором курсе мехмата (такая была там программа в 10-м классе) и был неизъяснимо горд собой, а вместо этого получил горькую отповедь от знаменитой Веры Петровны: «Штейнберг, посмотри, как некрасиво твое решение, как ты долго возился для того, чтобы вот это вот мне показать?! Посмотри, как можно это сделать и сделали Вася, Коля и проч. Иди, работай дальше».

Такие вещи она говорила мне потом еще не редко, но и еще что-то, я не могу вспомнить, после чего у меня не было чувства зависти или злости, а какая-то странная радость и восхищение тем, что кто-то это может и он рядом с тобою.

Укреплял я свою разрушенную самооценку тем, что непрерывно выигрывал призовые места на городских олимпиадах по биологии и истории, а также отстаивал честь школы на соревнованиях по стрельбе (занимался в спортшколе снайперов «Спартака», выполнил норматив кмс), чем, хоть как-то, себя реабилитировал в глазах одноклассников, которым эти дисциплины были скучны, а в спорте достижений таких было немного.

Благо, что учителем по биологии был опальный ученый, «генетик-морганист», изгнанный из университета и так в него не вернувшейся, Рамзаев Федор Сергеевич. Ему я многим обязан в плане «автономности мышления» и интересом к биологии и медицине. Впрочем, как и всем учителям этой удивительной школы, которые были незаурядные личности и приучили меня к дисциплине мысли, логике математического аппарата, склонности к критико-аналитическому мышлению, «отсутствию страха перед формулами и техникой», а также наивной вере, что «большинство проблем можно продавить мощью интеллекта».

И, как мне сейчас кажется, сформировали привычку стремиться быть поближе к людям, которые умнее меня, искренне радоваться этой возможности и постараться чем-то заслужить их уважение. Мне эта привычка, впоследствии, очень пригодилась.

Похоже, к окончанию школы Вы испытывали проблемы с выбором направления дальнейшего обучения: успехи в биологии и истории, навыки критико-аналитического мышления (для Вас замечу – область особого, многолетнего интереса Джорджа Гэллапа, он ведь по образованию, прекрасному для того времени, был психологом).., и какое Вы решение приняли? Почему именно такое?

Это так. Я учился в физическом классе (всего выпускных классов было 10; 4 – физических, 5 – математических и один химический). Соответственно выбор был predetermined. «Физики» шли поступать в университеты или политехи, математики на мехмат, химики на хим. фак или в мед.институты. Иной выбор не приветствовался и считался «образовательным браком». Больше половины моего класса без проблем поступили на учебу в МГУ, Бауманку и т. п. Такому «бракованному» маргиналу как я, единственным приемлемым выбором оставался мединститут, где была биология и химия. Тем более, дед был военврачом, я назван в его честь и считал правильным продолжить его дело.

Вероятно, так оно бы и было, если бы не мой странный интерес не к самим научным открытиям, а к их открывателям, их способу мышления, который позволяет найти способы увидеть и понять то, что другие не могут даже представить. Я перечитывал доступные мне книги с описанием биографии открывателей,

причем, только те места, где им в голову пришла эта идея, силясь понять, как это возможно. Помню, как удивил класс и учителя, детальным анализом того, каким образом Копернику пришла в голову мысль об гелиоцентричной картине мира и как он это доказал.

Важным фактором для выбора было мое увлечение научной фантастикой (как раз тогда выходила «библиотека научной фантастики» и мои родители были счастливыми обладателями «подписки»). Среди любимых мной повестей и рассказов из этой серии был один, где главный герой назывался «психологом» и своим пониманием устройства барьеров человеческого мышления помог физикам преодолеть их неверие в возможность антигравитации и построить аппарат.

А тут открывается новое отделение психологии при биофаке университета. Вступительными экзаменами были математика, биология и история. Все сошлось. Конкурс был, как в театральный институт, устная математика была могучим фильтром, где оседала основная масса абитуриентов, т.к. на устном экзамене по математике «завалить» можно было кого угодно. Меня отпустили с миром и «5», помучив полчаса, после того, как выяснили, где я учился и у кого (может быть сказалось то, что один из экзаменаторов оказался выпускником «тринашки»).

В 1973 году в СГУ, как я сейчас понимаю, реальных ресурсов для открытия отделения было недостаточно: ни научной школы, ни кадров, ни традиций, ни практики. До «прекрасного психологического образования» Гэллапа было, как до звезд. Поэтому первые три курса лекции читали профессора биофака (физиология и анатомия высшей нервной деятельности) и преподаватели мединститута, где мы занимались в анатомическом театре и прослушали полные курсы патопсихологии и краткий по психиатрии. Я проходил практику в психиатрическом отделении 2-й горбольницы у проф. Гамбурга. Лекции по психологии, по сравнению, с фундаментальными дисциплинами биологии и медицины, меня не впечатляли, кроме, может быть, экспериментальной психологии, где работали бывшие физики – энтузиасты этого дела.

Помог случай, моим руководителем курсовой стал Н. В. Крогиус, представитель ленинградской школы психологии, международный гроссмейстер, тренировавший Спасского в матче с Фишером, впоследствии Председатель шахматной ассоциации СССР. Я помогал ему в его работе над докторской, выполняя несложную техническую работу по теме «конфликты в шахматах». Он отчего-то считал, что психологии больше всего в рекламе. Этому невозможно было поверить, т.к. советская реклама «Летайте самолетами Аэрофлота и «храните деньги в сберкассе» к психологии, на мой взгляд, не имела отношения. Но он был «выездным», видел другую рекламу и привозил из-за бугра их журналы (Лайф и др.), где я пытался переводить слоганы и тексты, изучал композиции. Николай Владимирович помогал мне с литературой по психологии рекламы и даже устроил мне «рекламную практику» по расчету величины шрифта и его расположения, цвета и проч. на билборде Дворца спорта, оповещающем о хоккейном турнире. Суть задачи в том, чтобы текст можно было легко прочесть пассажирам проезжающего мимо Дворца трамвая. Апофеозом моей рекламной практики было 2-е место на всесоюзном конкурсе студенческих работ и премия в размере стипендии.

Его я считаю, своим учителем в психологии, т.к. при его занятости, он почему то , много времени мне уделял, приглашал домой, пытался научить теории шахмат, постоянно давал головоломные задачи по психологии рекламы. Как-то провел меня в спецхран, где я перечитал все имеющиеся там работы Фрейда, о котором мы знали только из «марксистско-ленинской критики». А после часами пересказывал однокурсникам, т. к. даже законспектировать мне не дали. Не оставил меня и после окончания университета, мы общались до его отъезда в Москву.

Другие преподаватели психологии были переученные физики, филологи, медики и др. Они были самоучки в хорошем смысле слова и нас научили самостоятельно учиться, заразили энтузиазмом научного поиска и привили много неспецифических навыков, которые являются необходимым фундаментом для специфических. Это потом помогло, когда появилась переводная литература по зарубежной психологии, а отечественную, как выяснилось, мы знали неплохо, т.к. часть преподавателей были их студентами или учениками их учеников.

Сегодня, относительно психологии и социологии все наоборот.

Похоже, что мы (Вы на полтора десятилетия позже меня) в разных городах двигались в социологию схожими дорогами.

По какому разделу (какой кафедре) психологии Вы выпускались, делали дипломное исследование? В каком году Вы закончили университет и что дальше?

Моя дорога в социологию началась на Троллейбусном заводе им. Урицкого в г. Энгельсе, куда я попал по распределению после окончания университета в 1978 г. по специальности «Психолог. Преподаватель психологии». С этим единственным в стране производством троллейбусов была связана моя дипломная работа по эргономике рабочего места водителя троллейбуса, как следствие моей производственной практики.

Т. к. занятия психологией рекламы дали мне кое-какие практические познания в психологии восприятия, то я оказался полезен разработчикам новой модели троллейбуса по организации пульта управления в кабине водителя (расположение приборов, размер и цвет надписей и проч.) Разработку делал специальный НИИ с участием специалистов предприятия. Я потратил много времени и сил, вникая в документацию и даже поставил пару смешных экспериментов по восприятию сигналов с пульта для водителя и расположению кнопок управления. Вот так мои «предложения», которые были одобрены заводским ОКБ, были включены в документ от завода, что было особо учтено при защите диплома.

Это показывает, что я получил высшее образование в области психологии, но не получил конкретной профессии в смысле специализации, которой у нас и не было. Т.е. я оказался на выходе, так называемым «специалистом широкого профиля».

На заводе я был зачислен поначалу в отдел НОТ инженером-психологом. Должностные обязанности такого специалиста были загадкой для всех и прежде всего для меня самого. Поэтому мне вручили типовые должностные обязанности по Автопрому и его предприятиям, где были заводские психологи (ВАЗ, ГАЗ, ЛИАЗ, ЛАЗ, РАФ) и поручили составить и возложить их на себя.

Я составил и возложил, оставалось только выполнять и соответствовать.

Первым «выходом из-за печки» заводского психолога в моем лице было радикальное решение проблемы текучести кадров на участке револьверных станков, где работали исключительно женщины и их состав менялся за три месяца почти полностью. После моих «рекомендаций» текучесть снизилась в пять раз.

Дело было так. В «обязанности» входила борьба с текучестью кадров. Меня привели «побороться» за этот участок, и руководство цеха уставилось на меня в ожидании чуда. Я был в панике и полной растерянности. Только этим я могу объяснить уверенную наглость моего заявления, что все дело в огромном на всю стену плакате, призывающем к победе в соцсоревновании. Кроваво-красный цвет, вещал я тоном оракула, вызывает раздражительность, утомление и стресс у работниц, провоцирует брак в работе и прочее. Надо убрать плакат, оставить чисто побеленную стену, по НОТу организовать пространство участка и что-то еще, не помню. Это было выполнено, дополнительно выкрасили станки и текучесть прекратилась. Думается, что здесь сработала элементарная забота о людях, которая была тут в дефиците. Участок убрали, станки почистили и подремонтировали, выдали новую спецовку, постоянно бегало начальство, спрашивая женщин, как себя чувствуете без плакатного «призыва к трудовому подвигу», даже норму подкорректировали с учетом женского труда.

Знал ли я тогда о Хотторнских экспериментах с человеческим фактором, не помню, но вывод для себя сделал тогда очень похожий.

Следующее «психологическое чудо» было связано с расчетом биоритмов. По обмену опытом меня направили на ВАЗ, где я познакомился с этим концептом, который высчитывал «черные дни» работника, это когда зловещим образом совпадали одновременно низкие волны физических, интеллектуальных и эмоциональных биоритмов человека. В году таких «дней» было по одному на месяц, кажется.

Я рассчитал эти биоритмы для транспортного цеха завода и число аварий сократилось на 70%. Т.к. каждый водитель получил страшное предупреждение в виде распечатки волн биоритмов, где красным крестом были указаны совпадения двух волн, а черным — всех трех, то он был осторожен в пути, не злоупотреблял спиртным накануне рейса, а в «черный день» его снимали с рейса и ставили на ремонт.

Но окончательная вера в силу «заводской психологии» и моей персональной магии наступила после того, как в «черный день» директор предприятия свалился с температурой под сорок, а главный инженер сломал ногу.

Этими активностями я сам себя загнал в угол. От меня ждали только демонстрации магии и волшебства, которые у меня закончились. Что-то надо было делать. Первое что я предпринял, это под флагом глубокого изучения производства методом включенного наблюдения, о котором я имел смутные представления, отправился на рабочие места в цеха, освоил профессию токаря, электро-монтажника, сборщика передних мостов и прессовщика. Подлинная причина моего профессионального порыва — взять тайм-аут и банально заработать для прокорма семьи, т.к. мне сохранялся оклад и премии, а в цеху была сдельщина, где я мог за месяц получить еще полтора своих ИТРовских оклада, а руками я работать умел и любил.

Потом, по ходу моего «включенного наблюдения», меня двинули в мастера пресово-сварочного участка, где работали «химики» (осужденные за «мелкие» преступления). С помощью двух «зеков», один из которых был начальником прииска по добычи драгметаллов, а другой, кажется, нач. производства хим.комбината в Узбекистане, я наладил отношение с бригадами, добился сносной дисциплины и производительности труда. Это были мои первые и лучшие учителя по управлению трудовыми коллективами, пониманию основ менеджмента промышленного производства и психологии труда, т.к. в вузе этому меня не учили.

Но по выходу из этой «экспедиции» у меня случился серьезный облом. Мой отчет о социально-психологическом климате в коллективе цеха и мои предложения по повышению производительности труда и организации производства не нашли понимания. То, что я предлагал, видимо вступало в противоречие с принципами соцпроизводства, практикой планирования, традицией штурмовщины и приписок в конце месяца, кумовством и многим таким, о чем я даже не подозревал. Меня срочно изъяли из производства методом повышения — назначили зам начальника отдела кадров завода, на котором в тот момент числилось 4 тыс. человек.

Примерно через полгода меня отправили повышать квалификацию на Южмаш в г. Днепропетровск. Это было одно из крупнейших в СССР оборонных предприятия, в качестве «ширпотреба» они делали трактора ЮМЗ, что свидетельствует о масштабах производства. Там я стажировался в отделе, который занимался социально-экономическим планированием, психологией труда и тем, что сегодня входит в обязанности службы по работе с персоналом предприятия.

Оттуда я вывез прототип «телефона доверия» и немедля внедрил на заводе под названием служба «Ваше настроение». Вся служба состояла из трех человек: оператора на телефоне и двух сотрудников, которые обрабатывали жалобы и предложения, направляли их в соответствующие структуры, отделы, добивались решения вопросов, встречались с клиентами службы, т.к. звонки не были анонимными.

Результат превзошел ожидания. Через три месяца из горкома и обкома прибыла комиссия разбираться «с зажимом критики и разгулом произвола» на заводе. Сигналом им послужило сокращение жалоб трудящихся в эти органы в два раза, т.к. мы замкнули на себя их большую часть. После их знакомства со «службой» было решено этот передовой опыт тиражировать. Издали «листок» о внедрении и изобретательстве (забыл, как он назывался) и стали распространять на другие предприятия города и области и далее. Приезжали делегации даже из Казахстана.

Меня хотели уже двигать в первые секретари заводского комитета комсомола, но помешал пятый пункт, черед смен вождей и мое нежелание строить партийную карьеру, но двигать — научную. В 1980 году в Саратове открывают ИСЭП АПК АН СССР, я подаю документы на конкурс, но «обком не утвердил» мою кандидатуру, лучшую на тот момент, по утверждению зав. отдела, А. Петрушевой и его директора (когда я уже стал сотрудником этого Института в 1986 г., его директор В.Б. Островский в приватной беседе рассказал, как и почему «меня не брали»).

В 1983 г. вышло Постановление об организации совета по изучению общественного мнения при ГК КПСС. Вероятно, за неимением лучшего (мои затеи были известны высокому начальству, особенно, история с «телефоном доверия») меня назначили ответственным секретарем этого «совета», который должен был отвечать за его работу.

Это было необычное, короткое и смутное время «второй оттепели», передо мной ставили задачи по изучению отношений, оценок и суждений трудящихся предприятий города по различным экономическим и социальным вопросам. На меня работала армия из 1200 анкетеров – из числа коммунистов-активистов предприятий и организаций города. С этой командой проводились регулярные занятия типа «курса молодого бойца» по проведению массовых опросов. Особенный упор делался на «достоверности» данных, под которой подразумевалось, что «туфту» опрошенные писать не должны.

Темы для исследования общественного мнения регулярно поступали вместе с Постановлениями партии и правительства. Я приступил к обязанностям в период подготовки Пленума горкома по выполнению Постановления «о борьбе с формализмом во внедрении бригадной формы организации труда на промышленном предприятии».

Мне тупо поставили задачу «выявить формализм и доложить на пленуме». Я не менее тупо взялся за дело, не понимая, где кончается наука и начинается политика. Нашел «экспертов по внедрению», с их помощью определил основные признаки бригадной организации труда (КТУ, оплата по конечному результату и т. п и т. д.).. составил по ним вопросник, а поскольку опрос на предприятиях проводили «свои», заряженные на выявление «формализма» (было короткое время, когда из-под горы лжи, практики приписок, вдруг стало выглядывать что-то настоящее, хотелось уцепиться, не дать утонуть опять), то ответы вполне соответствовали реальности.

То, что случилось на Пленуме во время моего доклада, до сих пор является одним из самых ярких впечатлений в моей профессиональной жизни, где я на своей шкуре понял, что есть социальное.

Вы удачно тормознули рассказ, вопросы сами напрашиваются: «Что же случилось на Пленуме» и какими были последствия произошедшего? Кроме того, что полнее прояснилась природа социального...

Как–то вышло, до сих пор не знаю причин, что мой непосредственный начальник не довел до сведения секретарей, как я выявил «формализм».

И вот Пленум горкома. Повестка дня: выполнение постановления партии и правительства о борьбе с формализмом во внедрении бригадной формы организации труда на промышленных предприятиях города.

Первый секретарь кратко разъясняет собранию важность выполнения Постановления и сообщает, что созданный при горкоме совет по изучению общественного мнения провел исследование по выявлению формализма и сейчас ответственный секретарь совета доложит результаты по сорока с чем-то предприятиям города.

Я выхожу на трибуну, коротко описываю цели и задачи исследования, благодарю за оказанную помощь парткомы заводов и фабрик и перехожу к сути дела. Т. к. о форматах презентации социологической информации я не имел представ-

ления, то начал без затей. «Объединение Химволокно, показывает в отчетах, что 70,4% трудового коллектива охвачены бригадной формой. Наше исследование показало, что 3% (1–2 бригады), завод «Трансмаш» показал 80,3, а на деле 5% и так по всем предприятиям.

Повисла тишина, которую называют «матросской». Все напряженно смотрят на «первого». До него начинает доходить, что речь идет не о борьбе с «формализмом», а о саботаже Постановления на вверенной ему территории. Не помню, что он конкретно произнес, то ли вопрос, то ли «не понял», но после его слов зал взорвался. Это были около 500 советских командиров производства и секретарей заводских парторганизаций, в компетенцию которых входило умение громко возмущаться, выражать справедливый гнев и негодование. «Это деза, клевета, ложь», – оралли они. «Откуда взялись эти цифры». «Да кто он такой, этот»

Я стоял, оглушенный и растерянный. Мой начальник меня расхвалил за мою работу, а тут такое.

В этот момент «первый» делает, как мне кажется, реальную политическую ошибку. Он требует объяснить, как я получил эти данные. Я, по-прежнему не понимая, что происходит, объясняю технологию сбора данных и по каким критериям был выявлен «формализм». При этом анкеты я называл «протоколами», утверждая, что могу показать «все протоколы», где вашими же рабочими написано, что вместо собрания, где должны решить, что они переходят на БФОТ, им утром объявили, что они уже бригада, что оплата труда происходит по-прежнему, а не по КТУ и конечному результату и проч.

Всем стало еще хуже. Непонятно, что с этим делать. «Первый» объявляет перерыв, предваряя ритуальной фразой, что будем в этом разбираться и делать оргвыводы. И Вас это касается, говорит он, глядя, в мою сторону.

Я понял, что произошло непоправимое. Это чувство укрепились, когда я шел по набитому людьми залу, как по пустому коридору. Те, кого я знал, отворачивались и расступались передо мной. В прострации я добрал до кабинета начальника и спросил, что же это было, что я сделал не так. Тот ответил, что все нормально, так надо и еще не вечер. Но я понял, что здесь мне больше не работать. Через день меня вызывают в Обком, где в течение часа выдерживают в приемной, чтобы «осознал и проникся». Наконец приглашают зайти, а дальше происходит удивительное. В кабинете было пять человек. Один из них подходит ко мне хлопает по плечу, говорит, что я молодец, что наш метод будут использовать, что это действительно по-партийному и т.п. и т.д. Как оказалось, это были проверяющие из ЦК, и наш пример попал «в струю». После этого аппарат Горкома наградили премией, но не меня, конечно.

Наградой мне было решение, что я продолжаю «выявление общественного мнения», но уже то, что я делал, находилось под контролем, отчеты внимательно изучались.

Вспомнилась беседа с зав. отделом промышленности, которого я очень уважал, за знание производства, дар предвидения и стратегическое мышление топ-менеджера, как бы это назвали сегодня. Помню его слова: «Знаешь, меня не так удивляет, что ты сидишь передо мной, хотя уже должен быть далеко отсюда с волчьим билетом, т.к. нарушил правила. Ты все верно выявил, действительно, реальных бригад на заводах не более 2–3 в каждом. Но это мы и без тебя знали. Потому как ресурсов и времени на внедрение нет. Поэтому командно-волевым

методом, ломая через колено, вынуждая «отчитываться вприсядку», проводят «внедрение». Потом Постановление о преодолении «формализма», начинаем «борьбу», но 1–2 бригады действительно появляются и результаты реальные. Их объявляют «точками роста», дают им ресурсы, а остальным объясняют, что можно же, а вы не хотите. Общий уровень «бригадизации» поднимается, потом опыт накапливаем, лишние убираем, нужное оставляем, но уже в рабочем порядке, больше уже по уму, где надо. Все это понимают, кроме тебя мудака. Меня удивляет, что это продолжается, что меняются правила игры, но что это за игра, я не понимаю, чувствую, что не так что-то пошло, дело не в бригадах, не в формализме, что-то случилось там наверху, как бы производство наше не загнулось от таких игр. Шел 1983 год.

Вот так я узнал, что «достоверные результаты» сами по себе не объясняют социальные феномены, что объяснение того, что происходит и почему это происходит, лежит глубже и не только в организации производства. Я увидел, как вроде бы незначительный факт нештатной ситуации на каком-то собрании может стать признаком перемен в обществе. Наверно, тогда я впервые всерьез стал задумываться над сложностью взаимосвязей различных экономических, политических и социальных факторов, определяющих практики и об инструментах выявляющих эти взаимосвязи.

Илья, спасибо, блестящий кейс; в нем и социальное, и научное, и человеческие отношения. Какие Вы из этого случая извлекли уроки? Что было дальше в Вашей карьере? Ведь наступило время перестройки...

Честно сказать, никаких уроков я тогда не извлек. В том же духе продолжал «выявлять мнение» по вопросам «атеизма», производственной дисциплины «чувства хозяина» (без хозяйства) и др.. Темы исправно поставлялись ЦК в виде Постановлений, «писем» и прочих «цидуль». Не помню, чтобы мне пришлось самому проявлять инициативу. Я был завален «социальными заказами» и работал как «фабрика опросов» в миниатюре (как говорено выше, до полусотни предприятий и организаций в выборке, более 1000 «обученных» анкетеров и до двух десятков помощников для обработки данных). Потом возникла затея предать гласности результаты опросов в городской газете «Коммунист». Я переделывал отчет для газеты, редакторы и цензоры его рихтовали. Получалось не совсем то, что я хотел, но в целом цифирь не искажалась, и некоторые выводы, основанные на здравом смысле и исследовательской логике, которой любая идеология не указ и предназначенные для служебного пользования, отчего-то не изымались.

Но полевая работа усложнилась. Меня стали на заводах опасаться, т.к. то, что я делал, не укладывалось в привычные форматы партийной работы. Было ощущение, что те, с кем я общался из начальства, подозревали, что у меня в кармане «лицензия на их отстрел». Невольно, я был предвестником смутных времен, которых ждали с надеждой и опаской.

К 1986 г. интерес к изучению общественного мнения уже изменился, «контору» опять стало интересовать то, каким оно должно быть в соответствии с «гласностью и новым мышлением», а не каким оно есть в реальности и почему. Работать стало, как ни странно, не так интересно, как в начале создания «совета», хотя внешне, «свободы слова» стало больше. Но появился невидимый «фильтр», который «новое» пропускал, а старое делал «осадком». Он был даже не снаружи,

а внутри нас, хотя теперь не могу сказать точно. Говорят, что такое же ощущение было в первую оттепель. Но я не уверен, что перестройку можно назвать второй оттепелью, как многие считают и сегодня, слишком глубокие структурные изменения намечались. Но главное – это усталость от идеологии, причем, любой. Глядя из 2014 г. на своих товарищей по работе в ГК в 86-м, я вижу высокопрофессиональных топ-менеджеров штаб-квартиры огромной производственной корпорации, каким, по сути, был любой горком. Лояльные, исполнительные, организованные, компетентные в своем секторе, с ярко выраженными лидерскими качествами...

Не желая их идеализировать, могу сказать, это была управленческая элита города. Идеология крепко сидела в них, но как «заноза», которая дает о себе знать, только, когда ее заденешь. Так впоследствии и оказалось, далеко не все сумели конвертировать свой социальный капитал в материальный. Комсомольцы из горкома ВЛКСМ, которых я знал, оказались, куда как успешнее.

Но это только мой единичный кейс, вряд ли он показателен, я больше никогда не возвращался к этой теме. Чем-то отдаленно, это похоже на то, как ветеран войны не склонен говорить о том, что там реально было, кроме баек «для чужих». Потому что все, что бы ты не сказал, не совсем то...

Но когда в 1986 г. меня пригласил А. Н. Гаврилов из ИСЭП АПК АН СССР принять участие в конкурсе (он у нас собирал данные, так познакомились. Человек по своему уникальный, своей разносторонностью напоминал гениев Возрождения. Обладал острым практическим и парадоксальным умом, неутомимой энергией исследователя и предпринимателя в любых областях знания. Учился в ЛГУ на философа, кажется, там и защитил степень кандидата, но и был блестяще подготовлен технически, разбирался в любом «железе») на м.н.с. , я без колебаний согласился, хотя терял многие социальные блага статусу инструктора горкома КПСС.

Отпустили меня в «науку» неожиданно легко, я бы сказал с пониманием, какое-то странное ощущение было, что уходишь из крепости, которую кто-то остается защищать, потому что «надо», а зачем, уже боишься думать. Почти каждый, при прощании, что-то дарил на память или давал совет, просил не забывать, но никто не намекал на возможность вернуться. Вероятно, благодаря их рекомендациям и предыдущим проверкам моей персоны, пятый пункт не стал препятствием для прохождения конкурса на этот раз.

Вот так, в октябре 1986 г. я попал в эту «башню из слоновой кости», которой на то время, как мне казалось, была АН СССР, по сравнению с теми местами, где мне приходилось работать. 20 лет моя трудовая книжка лежала в этом заведении. В 2006 г. под благовидным предлогом поступления в докторантуру, я ее оттуда забрал, хотя идея остаться на полставки была, но начальство не пошло навстречу и я их глубоко понимаю, т.к. знакомство с Теодором Шаниным в 1989 г. и работа с ним в экспедициях и т.д., сделала меня «несовместимым элементом» в этой системе, к моему сожалению, т.к. Институт и особенно своих коллег, я искренне уважал и любил и сегодня поддерживаю с ними добрые отношения.

Здесь два вопроса или один, но «двойной», очевидны... что Вы делали в ИСЭП АПК АН СССР (позже – РАН) два десятилетия? По какой теме Вы писали кандидатскую диссертацию и когда ее защитили?

До 1990 г. занимался исследованиями трудовых коллективов колхозов и совхозов, проблемами миграции из села в город, трудовым потенциалом села, «сельским образом жизни» и т.п. и т.д.

С 90-го был «откомандирован» в «сельский проект Теодора Шанина и большую часть времени проводил «в полях», появляясь в Институте событийно. Поскольку в этот период академическая наука переживала не лучшее времена, полевые исследования практически не финансировались, то плотное участие сотрудника Института в международных исследовательских проектах и полевых исследованиях в целом приветствовалось. К тому же, полагаю, что количество и качество публикаций, плюс мое активное участие в конференциях в России и за рубежом, видимо, было достаточным, чтобы мой внеинституциональный статус не вызывал вопросов у администрации. Часть «полей» шанинских проектов проводилась в Саратовской области, и мне удалось включить в сельские экспедиции трех сотрудников Института, что тоже было важно для повышения квалификации научных работников, да и результаты исследований по договору с Интерцентром считались плодом их сотрудничества и научной кооперации.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1992 г. по теме «Социально-психологические механизмы формирования и функционирования общественного мнения села».

Очень интересно, никогда не встречал человека, который бы специально, направленно изучал особенности формирования и функционирования общественного мнения сельского населения в России. Илья, пожалуйста, – поподробнее о самих опросах и о результатах...

Выбор темы, как мне тогда казалось, полностью соответствовал моим компетенциям: психологическое образование, специфический опыт работы по исследования общественного мнения в партийных структурах. Я наивно полагал, что в этой теме «съел не одну собаку». Прозрение наступило после повторного прочтения знаменитой работы Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире», когда накопился первичный материал, требующий объяснения и переосмысления того, что я увидел и услышал на 1-ой Всесоюзной конференции по изучению общественного мнения, которое проводилось в Тбилиси в 1987 г. (кстати, там впервые с Вами познакомился).

Я понял, что столкнулся с социальным феноменом общественного сознания, который выходит за рамки «оценочных устойчивых суждений большинства населения по актуальным для них вопросам и т.п.», кажется, таким определением тогда мы пользовались. Этому пониманию способствовало несколько обстоятельств: 1) конкретная локализация предмета исследования общественного мнения – село, как относительно замкнутого коммуникативного пространства, одной из характеристик которого, являлась «публичность личной жизни»; 2) уникальный для того времени метод исследования – междисциплинарный подход в условиях «полноформатной этнографической» научной экспедиции (8 месяцев проживания в каждом селе с 1990 по 1994 гг.) и возможность сравнить с «штатными» массовыми анкетными опросами нашего Института; 3) Знакомство с английской исследовательской культурой, которую демонстрировал нам Теодор Шанин; 4) Возможность общения и консультирования выдающимися учеными – «друзьями шанинского проекта» Т. И. Заславской,

Ю. А. Левадой, В. П. Даниловым и др. Их вопросы ко мне и комментарии моих выводов заставили меня стать на порядок «скромнее» и поставить более конкретные и реалистические задачи.

Не думаю, что это диссертационное исследование заслуживает особого внимания, но оно существенно дисциплинировало меня, дала возможность посмотреть на общественное мнение из разных перспектив. Помогло увидеть функционирование в нем архаичных структур крестьянской общины, а также познакомиться с его многослойностью и парадоксальностью формирования даже на таком ограниченном пространстве, причем, максимально открытым для наблюдения за механизмами возникновения «оценочных суждений» и их влияния на поведение жителей села.

Я увидел «мнение для своих» и «для чужих», которые могут быть прямо противоположны, выявил факторы устойчивости одних «суждений» и «изменчивости» других. Удалось зафиксировать разнообразные роли, которые выполняло «общественное мнение села», когда уже начинаешь сомневаться, является ли это социальное явление «мнением» или это «мнение» — просто симптом какого-то непонятного состояния общественного сознания сельского сообщества в данный момент времени, которое руководствуется непонятными нормами и стереотипами сознания и поведения этого сообщества.

Приведу пример влияния «исторического фактора» на формирование общественного мнения трудового коллектива колхоза «Путь Ленина» на решение о выборе формы хозяйствования. Суть вопроса — оставить колхоз или преобразоваться в акционерное общество или товарищество. Дебаты длились долго, причем «лидеры общественного мнения» села в лице председателя, директора школы и «ветерана всего чего можно» сильно агитировали за колхоз и давили на чувства страха перед капитализмом и ответственностью перед родителями, которые завещали беречь общественную собственность и прочее.

Я вел наблюдение, т.е. фиксировал тех, кто был за «социализм» и за «капитализм». А так, как знал большинство присутствующих и их происхождение, то после обработки с удивлением обнаружил, что потомки «бедноты» в большинстве проголосовали за колхоз, а потомки «средняков» и «зажиточных» (потомков раскулаченных осталось единицы) за ОАО.

Это вроде бы логично, но при сборе «голосов крестьян» (тема — «белые пятна истории села») воспоминания о хозяйстве дедов и прадедов были у этих респондентов очень расплывчатыми и носили в основном нейтральный эмоциональный фон (кроме раскулаченных, конечно). Общим рефреном было суждение, что «советская власть дала все» (подняла из нищеты, дала образование, работу, защитила мир и прочее). Никто из них своих предков даже середняками называл с большой натяжкой и неохотой (может на всякий случай). И это в контексте высокой достоверности информации. Я, помнится, тогда испытал «полевой шок» от того, как нам рассказывали старики о своем прошлом. Даже записал в полевом дневнике: «Они отвечают на наши вопросы так, словно ждали нас 50 лет. Потому что 20 лет боялись говорить, а 30 лет их никто не слушал».

Так я впервые столкнулся с феноменом устойчивости общественного мнения вне зависимости от влияния его «лидеров», когда «общество» выступает, руководствуясь нечто неотрефлексированным, даже не иррациональным на первый взгляд, то ли спонтанно возникшим, то ли под влиянием латентных процессов исторической памяти или еще чего.

Были и другие «открытия». Одно из них Г. С. Батыгин даже опубликовал в своем СЖ под названием «Спираль молчания» или «когнитивный диссонанс в общественном мнении села». Там описывался фактор устойчивости принятого решения за кого голосовать в зависимости от прекращения (избегания) участия в дискуссиях о выборах части сельчан. Создавалось впечатление, что они вдруг как бы потеряли интерес к выборам. Но потом, выяснилось, что решение принятое ими за 10 дней не изменилось, а те кто продолжали дискутировать до последнего дня, отдали голос скорее ситуативно.

Отвлечемся на миг от хронологии, Ваш ответ и ссылка на книгу Б. А. Грушина позволяют мне задать Вам вопрос о феноменологии общественного мнения, чему посвящена значительная часть «Мира мнений...». В частности, Борис Андреевич в той работе и позже обращал внимание на то, что не любое, даже массовое мнение является общественным мнением. Считаете ли Вы, что фиксируемое сегодня в опросах «Левады-Центра», ФОМ, ВЦИОМ это – общественное мнение россиян, а не какая-либо иная фракция общественного сознания?

На этот вопрос я, пожалуй, смогу ответить только из перспективы полевого исследователя, т. к. регулярно не слежу за библиографией и текущей дискуссией по данной теме, а без этого моя позиция, мягко говоря, довольно специфична.

Для «полевика», вы знаете, такой вопрос беспредметен, т.к. надо сначала прояснить, что мы с вами будем считать общественным мнением и общественным сознанием, хотя бы в рабочем представлении, чтобы сравнить с ним вербальные и невербальные поведенческие реакции респондентов наших «фабрик опросов» на их стимульный материал в виде вопросов, картинок и проч., которые они называют «общественным мнением».

Второе, на какой модели формирования и функционирования «феномена» мы будем обсуждать, является ли «это» общественным мнением в нашем понимании или «иной фракцией общественного сознания»? (Для Б. Грушина, помнится, общественное мнение не было отдельной фракцией, т.к. представляло собой «общественное сознание со сломанными внутри перегородками»)

Например, поведенческие реакции респондентов на вопросы «фабрики» по поводу Крыма могут быть «общественным мнением» для определенного политического института и его конкретных целей, а могут быть симптомом структурных изменений в «патриотической фракции» общественного сознания для института гражданского общества.

Без этого, боюсь, что кроме спекулятивного теоретизирования и беспредметного философствования, ничего содержательного сгенерировать не смогу.

Илья, в недавнем мэйле Вы написали мне, что по контрактам и договорам, преподаете в Шанинке, РАНХиГС, ведете школу-студию и прочее. Когда Вы начали свою деятельность в Москве? Что преподаете? Что такое школа-студия?

Деятельность в Москве началась в 1990 г. и была связана с проектами Теодора Шанина и Интерцентром. Полевые исследования в сельских проектах шли без перерыва до 96 г. Потом была учеба в Шанинке и другие проекты. В Шанинке преподаю с 2006 года курс «Качественные методы» (Практикум полевого исследования методом «длинного стола»), примерно такой же курс ежегодно веду в ЦСПО при ИС РАН («кухтеринские курсы»). Эти занятия содержат основные элементы ремесла полевого исследователя, который применяет качественный подход в решении своих задач. Обучение проходит в процессе производства конкретного исследования, что, собственно, составляет первоначальную суть понятия «студии» как формата профессиональной подготовки.

Можно сказать, что «Школа студия полевого исследователя-качественника» представляет собой систему «производства» исследователя в процессе «производства» самого исследования. «Студия» родилась из моих попыток научить ремеслу полевого исследователя по нашей с Е. Ковалевым монографии «Качественные методы в полевых социологических исследованиях», которая неожиданно для нас стала достаточно популярной в научном сообществе.

Но результаты обучения меня не устраивали, т. к. я видел, что между знаниями и умением проводить исследования существует слишком узкий мост, который преодолевали единицы из моих студентов. Нужна была иная образовательная система обучения навыкам и умениям полевой работы, хотя бы на крепком базовом уровне владения ремеслом. Почему-то никого не удивляет, что выпускник консерватории владеет навыками игры на инструменте, способен исполнить любое произведение на среднем уровне, а выпускник нашего социологического факультета представляет собой в этом смысле «черный ящик». Умеет ли он решать исследовательские задачи в плане подготовки и проведения полевого исследования и на каком уровне, можно понять только опытным путем.

По счастью, сохранились записи «длинных столов», которые проводил Теодор в первом четырехлетнем проекте. Я их изучил и обнаружил, что практически 2/3 этих рабочих совещаний в первый год проекта представляли собой школу полевого исследователя, где шла передача традиций британской исследовательской культуры, освоение основ крестьяноведения и междисциплинарного подхода, отрабатывались специфические и не специфические навыки и умения работы в формате экспедиции. Это было вызвано необходимостью подготовки группы исследователей в условиях, когда исследование уже стартовало, а представления британского социолога о том, что должен знать и уметь полевой исследователь, расходилось с нашими компетенциями на тот период.

Все обучающие занятия по сути являются демонстрацией метода «длинного стола» (ДС), которые дополнены технологиями мозгового штурма и тренинга по развитию основных неспецифических и специфических навыков и умений, необходимых для проведения качественного исследования. Это включает в себя основные алгоритмы обучающих заданий и упражнений, мини-семинаров, разбор типичных полевых ситуаций в ходе исследования, в т. ч. на кейсах самих участников «школы». В центре методического подхода стоит активизация личного исследовательского опыта слушателя, что предполагает методическую и аналитическую триангуляцию оценок, суждений, предложений и т. п. участников «длинного стола» в режиме «оффлайн» и «онлайн». Итогом работы является содержательный отчет по исследованию и презентация его результатов.

Эффективность этой системы связана не только с авторскими технологиями обучения, но и с синхронизацией трех основных этапов подготовки и проведения полевого исследования (до поля, в поле и после поля) с 8 фазами цикла «производства» исследователя от замысла исследования, через «полевой шок» и «кризис» к выводам и новому замыслу. Эти фазы были выделены из записей встреч на «длинных столах» и полевым дневникам их участников за период 2008–2012 гг.

Одновременно Вы отметили, что в Энгельсе Вы создали организацию «Социум» и работаете как практический психолог. Не могли бы Вы пояснить, что такое «практический психолог»? Чем Вы занимаетесь?

Некоммерческая организация «Социум» возникла по моей инициативе в 1998 г. на базе Центра практической психологии, как профессиональное объединение психологов, социологов, медиков, педагогов с целью реализации мечты профессионала — делать то, что считаешь нужным, так, как считаешь нужным, имея необходимые для этого ресурсы и за вознаграждение, которое устраивает. Сфера деятельности включала, как проведение социологических исследований по широкому спектру социальных проблем, так и практическую деятельность по профилактике наркомании, ВИЧ-инфекции, медико-психологической и социальной помощи социально уязвимым группам населения, включая беженцев, участников локальных войн, осужденных, «работниц коммерческого секса» и т. п. и т. д.

Причина моей активности — это желание непосредственно видеть результаты профессиональных усилий, как компенсацию однобокости представления о социологии как демоскопии («социологи подсчитали») и тем состоянием души, которое довольно точно выражено в одной бардовской песне — «лучше быть нужным, чем свободным».

К концу 90-х у меня возникло ощущение, что я — член отряда космонавтов, которых готовили к высадке на Луну, но которые так и не полетели. Этому способствовало череда неудачных крушений «ракеты-носителя» «большого сельского проекта» на старте. По замыслу Теодора Шанина группа исследователей первого проекта должна была составить кадровый костяк коллектива исследователей нового «Аграрного Института им. Чайнова», кажется на базе ВАСХНИЛ и его аналогичного подразделения. Цель проекта — возродить славные традиции отечественной школы ученых-аграрников, которая считалась самой продвинутой в мире до сталинских репрессий. Была договоренность с последним президентом ВАСХНИЛ А.А. Никоновым об организации такого подразделения, но его загадочная трагическая гибель в 1995 г. привела к закрытию этого проекта.

Вторая попытка «взлететь» была связана с именем Е.С. Строева, который с начала 1996 года до конца 2001 года был председателем Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Строева впечатлила личность Шанина и его идея всероссийского мониторинга аграрных реформ в духе традиций земской статистики, изучению которой мы посветили много времени и сил. Даже использовали в своих экспедициях некоторые методические приемы ее известных представителей. Но Строев был смещен со своего высокого поста, попал в опалу и был отправлен рулить Орловской губернией. Мы опять не «полетели».

Но главное для меня — это то, что наш продукт (реальное знание экономической и социальной жизни крестьянской России) на тот момент оказался обществу не просто не нужным (к этому не привыкать, можно работать и на будущее), а как бы даже вредным для текущей политики «разрешено все, что не запрещено», а ведь в мозгах еще жили «перестроечные» надежды и вера, что «пришло наше время». Передел собственности и полукриминальная приватизация земли и активов колхозов и совхозов, беспредельная коррупция, колонизаторское отношение «новых аграриев» к селу и его жителям и проч., делали наши усилия по поиску истины, занятием, лишенным смысла во всех отношениях, кроме чистой науки, причем, на деньги иностранцев, которые тоже, похоже, уже удовлетворили свое любопытство. Можно было и дальше вполне себе существовать на их мелкие грантики и мелкие темы «из жизни крестьян», писать отчеты и рекомендации по ходу аграрных реформ «асфальтного социолога». Но я уже был отравлен масштабными экспедициями Интерцентра с перспективой «дальнего полета в аграрные миры» и тяжело переживал неудачные запуски на старте.

Вот эта, впитанная с детства, «советская» программа, что наука должна иметь «народнохозяйственное значение», плюс «разница потенциалов» между масштабом планов Теодора и тоской аномии в постперестроечной Академии, заставили меня искать нишу, где я мог не ощущать себя жертвой обстоятельств и делать то, что считал правильным и полезным. Выбор уже был не между выгодно и невыгодно, тяжело и просто, можно-нельзя, а между скучно и страшно. Скучно было «отбывать номер», слушать сетование коллег на судьбу, власть и проч., и страшно выходить их привычной колеи, теряя пусть малое, но надежное. Но уже было так скучно, что стало не так страшно.

Такой нишей оказались НКО, практическая психология и, как ни странно выглядит, первая Чеченская компания.

В конце 97 г. я прошел краткосрочные курсы подготовки «фронтовых психологов, психотерапевтов и психиатров» по боевому ПТСР для работы в «горячих точках». Курсы вели специалисты Центра психосоциальной травмы Миссурийского университета, которые имели почти полувековой опыт работы с «поствьетнамским синдромом». Научили нас отменно. Сразу после их окончания я начал практику в «Реабилитационном центре для воинов, пострадавших в вооруженных конфликтах и локальных войнах». Это была тяжелая, но конкретная работа по психотерапевтической помощи комбатантам — участникам боевых действий в Чечне. Довелось работать в лагерях беженцев из Грозного. Через год и 2 месяца я обнаружил у себя все симптомы профессионального выгорания и решил заниматься этим в свободном режиме, совмещая с научной работой, которую впрочем, не прекращал, будучи сотрудником ИАП РАН.

И тут подвернулся случай. Фонд «Евразия» объявил конкурс грантов для НКО по разработке программы профилактики наркомании для школ. Под этот грант мы вместе с школьными психологами Центра практической психологии г. Энгельса создали НКО «Социум». Наша заявка была одобрена, программу разработали и внедрили в школы области и даже заняли с ней 2-е место на «Всероссийском конкурсе им. Памяти матери Терезы». С этого и пошло. Потом наладилось сотрудничество с организацией «Врачи без границ» по профилактике ВИЧ/СПИДа среди инъекционных потребителей наркотиков, чем организация занимается и по сей день. Практически с 2000 г. «Социум» выполнил более

30 различных проектов социальной направленности и примерно половина из них включала исследовательский блок, так что я мог реализовать все свои профессиональные навыки и видеть практические результаты.

Поэтому моя вторая профессиональная ипостась – это консультирование по посттравмам и химическим зависимостям, работе с персоналом, проведение тренингов и организация социальной работы в сфере общественного здоровья. Я рад, что имею возможность, как говорят хирурги, сохранять чувство в пальцах.

Илья, Вы работаете по многим направлениям, и Ваша работа, очевидно, востребована. Вы когда-либо думали о подготовке докторской диссертации в области социологии или психологии? Вы реально работали над ней?

Я уже писал, что закончил очную докторантуру в при СГПУ в 2008 г. Диссертацию готовил по теме социальных сетей поддержки на материалах сельских экспедиций и социальных проектах по профилактики наркомании, ВИЧ и проч. Готовность ее была на 70%. Состояла из академических отчетов, докладов на конференциях и ряда статей, которых за 16 лет накопилось немало. Никто, да и я сам не сомневался в успешном финале. Если бы я постоянно работал в вузе или академическом институте, то непременно бы довел дело до конца. Но т.к. решил попробовать поработать без постоянной прописки с перспективой стать независимым исследователем, то защиту отложил, т.к. в этой сфере наличие докторской степени мне больше вредило, чем помогало. Особенно сказалась девальвация научных регалий в глазах заказчика в конце 90-х. Были даже вопросы: «ты «довоенный» кандидат или нынешний» или, «а что на докторскую по деньгам не прошел и т. п.». Тут уж лучше пусть спрашивают, почему ты не «доктор», чем «как ты им стал» + подозрение в теоретизировании и академизме и «неумении работать руками». Важнее оказалось просто «имя» как бренд, репутация в сообществе и прочее. Но идею защиты не бросаю, есть моральный долг перед «докторантурой» и есть ситуации, где «звезды на погонах» имеют определяющее значение. Но тему, скорее всего, поменяю. Основные идеи, связанные с «живыми» социальными сетями поддержки мною высказаны в публикациях и более интеллектуально меня не цепляют, а вот новые качественные методы исследований и новые образовательные технологии подготовки исследователей, интересуют очень сильно.

Есть надежда, что у меня в наличии имеется пара идей и технологий, которые могут поспособствовать в решении задач, связанных с «разрывом компетенций» в нашем профессиональном образовании, в частности, подготовки исследователей. Как-то вышло, что я, по-прежнему, придерживаюсь позиции, что наука – это не объект, наука – это метод.

Вы уже много лет – в аналитическом и консалтинговом бизнесе. Как, по Вашему мнению, в этой бизнес-нише в последние годы ситуация улучшилась или ухудшилась?

Лично для меня улучшилась, т.к. заказчик стал более грамотным и опытным в постановке задач и ожидании конечного результата. Требования к профессиональной компетенции возросли, что для меня важно. Работать стало сложнее, но интереснее. Хотя это может быть связано с моей несколько странной специализацией на задачах, которые не решаются стандартными и проверенными

способами, накатанными технологиями. Нужно тратить много времени и сил, чтобы разобраться в специфике и разработать под нестандартную задачу инструмент, короче, много думать и рисковать. А в штатных ситуациях я нашим бизнес-консультантам не конкурент, они свое дело знают лучше. Это моя «ниша», мне представляется, довольно узкой по двум основным причинам: 1) заработать на таких проектах особо не получается из-за избыточных временных затрат и рисков, сходными с рисками стартапов; 2) дефицит компетентных специалистов, которых могли бы заинтересовать подобные задачи.

Но сами задачи и заказчики бывают настолько интересны в профессиональном плане, что высокие издержки и возможные неудачи не останавливают. Ну, как отказаться, если ставится задача понять, как возможно возрождение традиции регулярных пожертвований (десятины) в религиозной общине, если эта традиция не поддерживалась в трех поколениях или как провести трансформацию, удивительным образом сохранившихся ценностей, норм, ритуалов социалистического производственного коллектива финансового учреждения для работы на современном рынке финансовых услуг. Здесь, как говорится, целью становится — «понять», даже, если стоит задача заработать. Иногда кажется, что наш консалтинг пытается приблизиться к культуре стартапов, где возможно «праздновать хороший проигрыш», где к решению задач привлекают «странных маргиналов» с «странными идеями и подходами», чтобы сделать решительный прорыв. Но пока устойчивого тренда не наблюдается. Пока.